

На следующее утро погода стояла прекрасная, небо было чистым, словно вымытым. Поле для гольфа Сишань, расположенное в пригороде, казалось огромным изумрудом, вправленным в оправу из окрестных гор.

Безупречно подстриженные дорожки зеленели, мягко поблескивая на солнце, а в сочетании с песчаными ловушками, прозрачными водными преградами и тщательно ухоженными гринами вдалеке они создавали картину, радующую глаз.

Хо Чжао, облаченный в безупречно сидящий белый костюм для гольфа, выглядел еще более статным и холодным. Он стоял на стартовой площадке, его поза была безукоризненной и элегантной, а взгляд — сосредоточенным. Взмах клюшкой вышел плавным и мощным. Раздался четкий звонкий удар, и маленький белый мяч взмыл в воздух, описав точную, изящную параболу, чтобы в итоге уверенно опуститься неподалеку от флажка на грине, находившемся в сотнях ярдов.

— Отличный удар! Блестяще! — тут же восторженно воскликнул Цинь Юй, стоявший поодаль в несколько вычурном, ярком костюме. Его лицо расплылось в привычной для бизнесмена слегка преувеличенной улыбке. — Хо Чжао, у вас сегодня просто профессиональное чутье! Удар получился таким прямым и дальнобойным, а точка падения — идеальна. Похоже, сегодня вы идете на рекорд!

Хо Чжао не выразил никаких эмоций, лишь сухо отозвался коротким хмыканьем. Он небрежно протянул клюшку подобострастно ожидавшему кедди, а затем принял у другого помощника теплое белое полотенце, чтобы символически протереть лоб, хотя на нем не было ни капли пота.

Они сели в комфортабельный электрокар, и кедди, управлявший им, медленно повез их к следующей точке.

Легкий ветерок обдувал лица, принося свежий запах травы и земли. Цинь Юй откинулся на мягкое сиденье, внешне беззаботно любуясь пейзажем, но краем глаза постоянно поглядывая на Хо Чжао. Будучи прожженным дельцом, годами вращавшимся на периферии круга Хо Чжао, он, может, и не был его близким другом, но был достаточно проницателен и считал, что понимает некоторые повадки и привычки этого молодого акулы бизнеса.

Он остро почувствовал, что сегодняшний Хо Чжао, хотя внешне оставался таким же невозмутимым, как всегда, казался немного... рассеянным? Или, вернее, в его взгляде читалось некое подавляемое, едва уловимое раздражение? Это было крайне необычно.

Электрокар бесшумно скользил по ровной дорожке. Цинь Юй решил прощупать почву. Он нацепил на лицо привычную, с оттенком мужского понимания улыбку, подался вперед и понизил голос:

— Скажите, господин Хо, в последнее время я редко вижу вас в Призраке. Что, наскучило там, решили сменить обстановку? Или... — он намеренно растянул слова, добавив в улыбку

двусмысленности и любопытства, — ...тот необычный официант, которого вы там встретили, так и не... поддался?

Он сделал особый акцент на слове поддался, смысл которого был очевиден. В тот вечер в кабинке А01 взгляд, который Хо Чжао бросил на того миловидного официанта, пусть и короткий, был полон такой концентрации и интереса, что не мог укрыться от глаз такого мастера подмечать детали, как Цинь Юй.

Хо Чжао продолжал смотреть прямо перед собой на зеленеющее поле, лицо его оставалось невозмутимым, а голос — ровным, лишенным каких-либо эмоций:

— Всего лишь студент, который еще учится. Не более того.

Эти слова прозвучали так небрежно, словно его это совершенно не заботило.

— Бросьте, господин Хо, к чему эти официальные отговорки? — Цинь Юй усмехнулся, явно не веря. — Мы знакомы далеко не первый день. Я слышал, как люди в нашем кругу болтали, что вы то пытались подарить ему лимитированную ручку Монблан, то через свои компании предлагали ему высокооплачиваемую подработку с зарплатой в пятнадцать тысяч после налогов... Помилуйте, такие щедрые подарки и путевки в жизнь — это совсем не ваш стиль.

Он продолжал подкалывать, словно обладал неопровержимыми доказательствами:

— Что, решили сменить тактику и сыграть в долгую? Но, — он переменял тон, в котором теперь слышалось злорадство, — судя по всему, ваша водичка недостаточно горяча? Этот маленький лягушонок оказался слишком осторожным и не прыгнул в ваш котел? Наткнулись на стену?

Костяшки пальцев Хо Чжао, сжимавшие поручень электрокара, едва заметно побелели. Эти слова Цинь Юя, наполовину шутливые, наполовину провокационные, словно тонкая игла, точно попали в ту самую точку, где затаилось недовольство из-за череды неудач. Тот факт, что даже такой человек, как Цинь Юй, заметил неэффективность его мягкой стратегии, заставлял его чувствовать, что его авторитет и власть подверглись незримому вызову.

— Просто показалось, что парень интересный, не такой, как все, — Хо Чжао сохранял внешнее спокойствие, но если прислушаться, в его голосе проскользнул холод, подобный инею ранней зимой. — Не ожидал, что при всей своей молодости он окажется таким... неблагодарным.

Последние четыре слова он произнес медленно и четко, с оттенком высокомерного осуждения.

— Ха-ха! Я же говорил! — Цинь Юй, словно подтвердив свою догадку, рассмеялся еще более ехидно и довольнo, чуть не хлопая себя по бедрам. — Раз уж наш высокомерный Хо Чжао лично назвал кого-то неблагодарным, значит, этот студент действительно талантлив, он личность! Ха-ха!

Отсмеявшись, Цинь Юй стал серьезнее, хотя в голосе по-прежнему сквозила торгашеская прямота:

— Послушайте, господин Хо, может, вы все усложняете? С вашим статусом и положением разве получение желаемого — не вопрос одного слова? Тем более с таким нищим студентом без связей и опоры. Стоит ли тратить столько сил и ходить такими кругами? Понравился — будьте прямее, предложите условия, от которых он не сможет отказаться, или воспользуйтесь методами... скажем так, более эффективными. Зачем играть в эти игры в угадку?

Слова Цинь Юя были грубыми, но в них была доля истины, отражающая образ мыслей и логику большинства людей из окружения Хо Чжао. В их глазах власть и деньги — это универсальный ключ, и чтобы получить что-то, особенно от такого маленького человека, как Фан Синхэ, который кажется совершенно беззащитным, у них есть множество способов — более простых, эффективных и соответствующих их классовым правилам.

Хо Чжао молчал, не отвечая. Его глубокий взгляд был устремлен на линию далеких гор. Разве он не знал о более прямых путях? Конечно, знал. С его возможностями он мог легко перекрыть Фан Синхэ все источники дохода, устроить несчастные случаи, которые помешали бы ему учиться, или даже надавить через болезнь его матери... У него была тысяча способов заставить прямого юношу склонить голову.

Изначально он выбрал мягкие подарки и предложения, возможно, потому, что в Фан Синхэ была некая чистота, совершенно не вписывавшаяся в атмосферу бара, та самоуважение и стойкость, которые он сохранял в трудных обстоятельствах. Это вызвало у Хо Чжао редкое чувство, которое он сам, возможно, даже не осознавал — некое подобие бережного отношения. Он хотел подойти к нему цивилизованно, с оттенком восхищения, наблюдая за ним, как за интересным экземпляром, или наслаждаясь игрой в кошки-мышки, где ритм диктовал он сам, с долей иронии и превосходства.

Но теперь, раз за разом получая решительный отказ от Фан Синхэ, он чувствовал себя так, словно его окатывали ледяной водой. Это не только охладило остатки его терпения, но и постепенно подтачивало его привычное чувство превосходства, разжигая в нем ту более глубокую, жесткую и деспотичную сторону, которая не терпела сопротивления.

Цинь Юй, наблюдая за ним, увидел, что Хо Чжао молчит, а давление в воздухе вокруг него стало еще тяжелее, и добавил, словно подводя итог:

— Похоже, ваше редкое терпение, господин Хо, вот-вот иссякнет из-за этого несговорчивого мальчишки?

Хо Чжао медленно повернул голову и пронзил Цинь Юя острым взглядом. В этом ледяном взоре читалось предупреждение, от которого улыбка на лице Цинь Юя мгновенно застыла, и он поспешно прикусил язык.

Хо Чжао не подтвердил и не опроверг его слова. Но те, кто знал его хорошо, понимали: такое

молчание Хо Чжао зачастую пугает куда больше, чем вспышка ярости. Обычно это означало, что решение уже принято, и правила игры могут быть изменены. Перед бурей море часто бывает обманчиво спокойным, но под этой гладью уже бурлят готовые вырваться наружу темные течения.

<http://bllate.org/book/19580/1920027>